

Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. А. Касавина

**Фундаментальные ценности
цивилизационного выбора России**

**1. Человеческая цивилизация перед выбором
новой конфигурации фундаментальных ценностей**

Авторы предпочитают сочетать конструктивное философское понимание цивилизации, включающее исторический подход, с реалистической верификацией оценок актуальных ее проблем, получая соответствующие обобщения и выводы на основе эмпирических данных — статистических и социологических¹. Под реалиями мы понимаем как факты, которые получены эмпирическими методами, хотя имеют определенную теоретическую нагруженность, так и констатации среднего теоретического уровня, которые принимаются в качестве фальсифицируемых обобщений.

Соответственно, приступая к рассмотрению комплексной проблемы проекта — «фундаментальные ценности цивилизационного выбора России», — мы вначале дадим гипотетическое понимание цивилизации и цивилизационного выбора современной России, а затем при

¹ Такой подход близок концепции и методологии конструктивного реализма. Академик В.А. Лекторский характеризует конструктивный реализм как наиболее перспективную программу исследований, которые подкреплены экспериментами; по его оценке, эта программа определила современный этап развития когнитивной науки и в нескольких отношениях «снимает старое противостояние реализма и конструктивизма» (*Лекторский В.А. Конструктивный реализм // Человек в мире знания: к 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 440*). Мы поддерживаем эту оценку и считаем, что социальная философия и общая социология — это такие области знания, в которых применение конструктивного реализма весьма продуктивно.

анализе конкретных аспектов этого выбора будем двигаться от реалий к актуальным обобщениям-выводам практического характера, предполагая необходимость последующей их фальсификации. (В общем виде этот подход сопоставим со *схемой* диалектики восхождения от абстрактного к конкретному.)

Согласно общим требованиям построения родо-видовых дефиниций, будем при определении цивилизации использовать такие ключевые понятия, которые позволяют сопоставлять цивилизованные состояния жизнедеятельности людей с иными, до- или нецивилизованными ее состояниями. На наш взгляд, этому требованию прежде всего отвечает методологическая категория *состояние*¹. Содержательно необходимы такие универсальные понятия: *человек* как особь рода *homo sapiens*, его *биологическое выживание*; *тип культуры*; *сообщество людей* любого масштаба (от семьи и иной малой группы до всего человечества), *способ его жизнеустройства*. Каждое из этих понятий дискуссионно и требует уточнений. Мы сосредоточим внимание на способе жизнеустройства сообщества людей.

Способ жизнеустройства сообщества людей объемлет такие качества-компоненты: *человек* — одновременно член биологического рода *homo sapiens* и социокультурных сообществ людей, тем самым как многомерное, биосоциокультурное существо, специфику которого составляет способность к творческой, продуктивной деятельности (жизнедеятельность); *тип культуры* во всех сферах жизнедеятель-

¹ Понятие *состояние* активно используется в логике и методологии науки. Известный российский специалист в области философских проблем методологии науки Ю.В. Сачков дал такую характеристику этого понятия: «Состояние — совокупность основных параметров и характеристик какого-либо объекта, явления или процесса в определенном момент (или интервал) времени... Понятие состояния является одним из ключевых для характеристики нелинейных систем и взаимодействий... Нелинейными являются практически все физические системы; еще более это характерно для химических, биологических и социальных систем, которым присущи качественные преобразования... Состояния систем изменяются под влиянием не только внешних воздействий, но и по внутренним основаниям. Акцент на этих внутренних основаниях находит выражение в том, что первостепенное внимание начинает уделяться таким понятиям, как неустойчивость, неравновесность, не-обратимость, самоусиление процессов, бифуркации, многовариантность путей изменения и развития» (Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 600–601).

ности человека как члена сообщества; *способы социальных отношений* между людьми внутри сообщества и между сообществами, а также *взаимодействия* между типом культуры и способами социальных отношений. Основная функция способа жизнеустройства сообщества людей состоит в том, чтобы обеспечивать активность их членов, достаточную для их выживания и развития их специфически человеческих качеств, а тем самым и для выживания и развития рода *homo sapiens*. Нередко наблюдается несоответствие между типом культуры и способами социальных отношений, которое не обеспечивает выживания и развития, т. е. означает дисфункциональность способа жизнедеятельности. Возникают задачи выявления причин дисфункциональности и путей ее преодоления.

Считаем приемлемым следующее понимание типа культуры, предложенное академиком В.С.Степиным: *тип культуры* включает систему надбиологических программ материально-предметной и духовной жизнедеятельности человека, мировоззренческие универсалии как глубинные основания культуры, базовые ценности, регулирующие строй сознания, критерии поведения человека¹.

Мы также считаем обоснованным вывод В.С. Степина: «Изменение типа культуры всегда связано с переломными этапами человеческой истории»². А поскольку тип культуры является одной из основных составляющих способа жизнеустройства, то к нему также относится приведенный вывод.

Цивилизация

Учитывая имеющиеся неоднозначные оценки первобытных сообществ людей, примем такие допущения. Первобытные сообщества особей *homo sapiens* возникли около 2,5 млн лет назад и существовали около 2 млн лет. В них доминировала традиционная культура и, соответственно, первобытно-традиционный способ жизнеустройства, состояние которого до возникновения цивилизации позволяло роду *homo sapiens* существовать на грани биологического выживания. Малые родо-племенные сообщества имели лишь зачатки культуры, были социально и культурно едва дифференцированы; жизнеобеспечивающая активность составлявших их особей *homo sapiens*

¹ См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 268–271.

² *Степин В.С.* Там же. С. 277.

определялась витальными инстинктами, родо-племенными навыками охоты и собирательства плодов природы, правилами отношений между собой и с соседями, — устойчивость правил консервировалась системой табу на отклонения. В культуре первобытного способа жизнеустройства в сознании особей рода *homo sapiens*, становившихся людьми, лишь возникала ценность жизни — как локальная, распространявшаяся только на членов тех малых сообществ, к которым принадлежит данная особь. В системе правил поведения доминировала агрессия по отношению к природе и при соприкосновениях с соседними сообществами людей и других гоминид, воспринимавшихся либо как опасные чужаки, которых необходимо уничтожать, либо как мифологические «нелюди», объекты «охоты за головами», добыча которых приносит почет сородичей. Многие первобытные сообщества погибали, уходили в историческое небытие¹. Тем не менее само возникновение даже локальной ценности жизни означало огромный шаг вперед: от особи животного рода *homo sapiens* к человеку как члену сообщества людей. С возникновением этой ценности под действием инстинкта познания, многих культурных и социальных флуктуаций в сознании некоторых особей-людей и их сообществ стали формироваться зачатки индивидуализированных правил поведения, которые вносили разнообразие в культуру и социальную дифференциацию данных сообществ.

Цивилизация возникла около 5,5 тыс. лет назад на территориях с наиболее благоприятными природно-климатическими условия-

¹ Исследования предыстории и эволюции социального насилия, а также механизмов культурно-психологического контроля над агрессивными импульсами, выполненные в Институте востоковедения РАН, показали: «В известном смысле современный человек как биологический вид является продуктом войны — той смертельной борьбы за уникальную экологическую нишу, которую вели между собой различные роды, виды и племена гоминид на протяжении двух миллионов лет». Вместе с тем «историческое развитие от дикости к цивилизации, равно как и индивидуальное взросление, делает людей не менее агрессивными, а *менее импульсивными*. Способность сдерживать импульсивные побуждения, достигаемая во многом благодаря развитию рационального мышления, составляет основу культурной регуляции». В результате на протяжении истории не возрастал, а снижался «коэффициент кровопролитности века», включая военные и бытовые убийства, политические репрессии и иное преднамеренное лишение человека жизни (*Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. Гл. 2. С. 73–80, 85, 88 и др.).

ми. Это эпохальное событие было связано с потеплением климата и бурным развитием флоры и фауны, но его специфическим фактором, его внутренним содержанием стало возникновение нового типа культуры людей, повышение рационализации их деятельности, позволившее обеспечивать уже не случайное выживание, а относительно надежное существование. Появились знания и умения, которые позволили людям дополнить готовые природные источники питания и материалы для жилища новыми, создаваемыми самими людьми. Охота и собирательство сменились скотоводством и обработкой земли, а пещеры — строениями из обработанных камней и деревьев. Главным приобретением или основным качеством культуры и цивилизации как таковой стало то, что **ценность жизни человека** постепенно распространялась на всё более широкие сообщества людей, а к началу нашей эры воплотилась в общечеловеческую заповедь **не убий** и стала поистине первой общецивилизационной ценностью, или мировоззренческой универсалией. Одновременно становились более *дифференцированными* виды деятельности, в целом культура и социальные отношения. Образовались города и большие этнокультурные и социально-политические сообщества (государства, империи). Сформировался *человек* как многомерное биосоциокультурное существо.

Это означало великий перелом во всем способе жизнеустройства *homo sapiens*, во всей истории этого удивительного рода живых существ на планете Земля — возникла аграрная цивилизация с ее *агрикультурой* (которая стала истоком самого понятия *культура*), составившей основу аграрного *общества*. Аграрная цивилизация существовала более 5 тыс. лет, а культура и сообщества в ней изменялись весьма медленно и потому стали традиционными. Возникла иная, не первобытная цивилизационная традиционность. На смену первобытно-традиционному пришел цивилизационно-традиционный способ жизнеустройства. Следовательно, в истории традиционной культуры следует различать две эпохи: первобытная, доцивилизационная и цивилизационная. Затем последовали эпохи посттрадиционной культуры.

Сказанное позволяет предложить в качестве исходного следующее общее понимание цивилизации.

Цивилизация — исторически сложившееся состояние способа жизнеустройства большого сообщества людей и/или их совокупностей (этносов, обществ и, возможно, всего человечества), занимающих определенные географические пространства, которое обеспечивает

относительно устойчивое существование рода homo sapiens и позволяет людям создавать условия для саморазвития их собственно человеческих качеств.

Такое состояние способа жизнеустройства включает четыре специфически цивилизационных компоненты: (1) человек как деятельное противоречивое (одновременно биологическое, культурное и социальное существо), вернее, достаточно большое множество людей, живущих в определенном географическом ареале; (2) положение на земном пространстве, природно-климатические условия жизни и деятельности членов данного сообщества; (3) такой тип культуры, который позволяет особям рода homo sapiens отодвинуть природные границы биологического выживания своих сообществ и всего рода, обеспечивая относительную устойчивость их существования и возможности развития их собственно человеческих качеств; (4) тип социума, или совокупности общественных отношений, возникающих между людьми в процессах их деятельности, который соответствует или не соответствует типу культуры, способствует или препятствует реализации ее потенциала, созданию условий для свободной жизнедеятельности людей, в которой реализуются и развиваются их собственно человеческие качества, потребности и способности, свободы и обязанности.

Такие компоненты возникают и развиваются в культурах и обществах, в цивилизации в целом не как дар свыше, а благодаря деятельности самих людей (психологической, интеллектуальной, предметно-материальной), результаты которой воплощаются в достижениях культуры и в дифференциации как видов деятельности, так и социальных структур и институтов (правил взаимодействий индивидов и социальных структур), становясь предпосылками дальнейшего развития человека и его цивилизации. Дифференциация возрастает не только путем появления совершенно новых структур («с чистого листа») или разделения существующих структур на несколько новых, но и благодаря их интеграции в качественно новые структуры. В нашу эпоху общество и культура всё более проникают друг в друга, образуя социокультурные системы как компоненты эволюционирующей человеческой цивилизации. Классические социально-классовые стратификации дополняются социокультурными, значение которых возрастает.

Имеется несколько оснований для типологии цивилизаций: этнокультурные, культурно-религиозные, социоэкономические, технологическо-производственные (аграрные, индустриальные цивилизации); воз-

ники *интегрирующие* различия: по географическим ареалам распространения (западная и восточная цивилизации) и по типам культуры (традиционные и техногенные цивилизации)¹. Однако многие основания типологии нечеткие: разные признаки пересекаются, накладываются один на другой. Одни из них характеризуют самодостаточные цивилизации, другие — субцивилизации. Мы здесь не можем характеризовать по этим основаниям различные цивилизации, это — задача отдельного исследования.

Вместе с тем полезно отметить, что в любой цивилизации человек сохраняет антропологические качества *человека*, которому свойственны: внутренняя мотивация деятельности, усиливаемая инстинктом познания, и *потребность улучшить условия и устройство своей жизнедеятельности*. Многие люди реально действуют в этом направлении, улучшают свое жизнеустройство, прежде всего, как показали фундаментальные исследования школы «Анналов», материальные структуры повседневности². Такие действия постепенно приобретают кумулятивный характер, массово тиражируются. Происходит развитие традиционных компонент цивилизации: культуры, производственных укладов, социальных институтов. По мере такого развития возникают, а затем эволюционируют и традиционные цивилизации, происходит их частичная модернизация.

В некоторые исторические периоды одновременно осуществляется эволюция нескольких основных компонент цивилизации и приобретает комплексный характер *перехода от одной цивилизации к другой*. Такие переходы означают изменение, развитие качеств данной цивилизации (или их множества) как целого, возникновение новой цивилизации, более совершенной по приведенным выше основаниям (рост возможностей культуры и общества: отдаление природных границ биологического выживания рода *homo sapiens* и предоставление людям более благоприятных условий-возможностей для самореализации и саморазвития их человеческих качеств). Эти переходы от одной цивилизации к другой, более благоприятной для развития человека, правомерно называть *комплексной модернизацией*. Например, переход от аграрной цивилизации

¹ *Степин В. С.* Традиционные и техногенные цивилизации // Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2000. Гл. I.

² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.

к индустриальной обычно называют *индустриальной модернизацией*¹. Но эволюция цивилизаций — отнюдь не линейный процесс, нередко регрессивные и даже катастрофические изменения, ведущие к гибели цивилизаций.

Известны две стадии комплексной модернизации, которая началась в западной цивилизации в Новое время и продолжается в XXI столетии уже в большинстве стран мира: первая или первичная (индустриальная) стадия, осуществляется с XVIII в.; в конце XX в. началась вторая или вторичная стадия — переход от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, информационной, основанной на знаниях. В XXI столетии в развитых и во многих среднеразвитых странах одновременно совершается двойная модернизация — две ее стадии, которые находятся в разных фазах динамики, но если осуществлять их координацию, то они могут приобрести характер интегрированной модернизации².

Глобализация и выбор новой конфигурации фундаментальных ценностей человеческой цивилизации

В условиях глобализации нарастают комплексные изменения всей человеческой цивилизации (или совокупности цивилизаций). Они глубоко противоречивы и свидетельствуют о ее кризисе. Основу кризиса составляет клубок противоречий, которые возникли к началу третьего тысячелетия в процессе расширяющихся и углубляющихся взаимодействий западной цивилизации с иными существующими цивилизациями.

С одной стороны, западная цивилизация демонстрирует впечатляющие успехи во многих областях экономической, политической и культурной жизнедеятельности человека. С другой стороны, эти успехи чреватые негативными последствиями для самой западной ци-

¹ Но переход от первобытного общества к аграрной цивилизации нельзя назвать модернизацией — это была бы «модернизация первобытного общества», что противоречит содержанию понятия модернизация, относящегося к изменениям лишь такого жизнеустройства людей, которое обладает качествами цивилизации.

² См.: *Chuanqi He. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Springer, 2012. Ch. 4; Хэ Чуаньци. Цивилизация и модернизация: глобальные основы модернизации Китая // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. М.: Весь мир, 2011. Ч. 1.*

визации и вызывают неоднозначные ответные действия населения других цивилизаций.

Западная цивилизация символизирует богатую и безопасную жизнь «золотого миллиарда» населения планеты. В ответ происходит новое великое переселение народов из нищих и опасных для жизни стран Африки и Азии в Западную Европу, отчасти в США, Австралию и другие развитые страны: самовольно, с риском для жизни, сотни тысяч людей перемещаются в «страны обетованные», где становятся потребителями их товаров и услуг, а также массовыми носителями иных ценностей, несовместимых с западными. В то же время США и их сателлиты в Европе и на других континентах, следуя инерции эпохи имперского колониализма, стремятся сохранить и усилить свое господство над всем миром.

Под действием противоположных экономических и геополитических интересов разных стран, их групп (альянсов, блоков) и структур глобального бизнеса человечество оказалось перед возможностью возврата к нецивилизованному состоянию: возникли реальные угрозы выживанию рода *homo sapiens* — экологические угрозы, угроза термоядерной войны. В последнее время под лозунгами повсеместного утверждения демократии как гаранта свободы (свобода, а не жизнь декларируется в качестве высшей ценности) альянс западных стран способствовал дестабилизации политических режимов в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Украине. Нарастание этих и других процессов пробудило архаичные, раннецивилизационные и даже доцивилизационные структуры аксиологического сознания и подсознания, которые мотивируют вседозволенное, террористическое поведение радикалистски ориентированных слоев населения в ряде стран, теперь уже и в развитых.

Началось разрушение послевоенного цивилизованного миропорядка. Проявились признаки старения (еще не заката) постмодернистской западной цивилизации и импульсивной конфликтности исторически более молодой мусульманской — традиционной цивилизации. Первая стремится, как ей кажется, подтолкнуть движение второй к индустриальной цивилизации с ее демократией и индивидуальными свободами и тем самым расширить ареал своего влияния, а радикалистские элементы второй, напротив, намерены глобализовать свой статус-кво и подчинить западную цивилизацию своему влиянию, объективно — принудить ее к исторической деградации до раннецивилизационного состояния. Сталкиваются сходные цивилизационно-миссионерские выборы разных цивилизаций: сохранить свой статус-кво и расширить его ареал, подчинив других

своему влиянию. Курьезным выражением второго выбора стало намерение политиков майдана построить *новую великую стену* между Украиной и Россией — по сути, стену *перед* нормальной эволюцией своего цивилизационного состояния.

В качестве мысленного эксперимента приведем возможный *диалог речевок* радикальных адептов двух «миссий»:

Адепт майдана: «Кто не скачет, тот москаль!»

Адепт антимайдана: «А кто скачет, тот дикарь!»

С другой стороны, в разных странах, прежде всего развивающихся, несмотря на распад СССР и «социалистического лагеря», зреет *иной*, не миссионерский цивилизационный выбор: не отказываясь от достижений существующего жизнеустройства, пусть не вполне современного, но всё же цивилизованного, повысить гуманность способов жизнеустройства своих сообществ, прежде всего отказаться от векуобийственного решения возникающих проблем и путем переговоров достигать мира между народами, странами. Комплексным способом осуществления этого выбора в XXI в. может стать вторая, информационная модернизация большинства стран как путь созидания цивилизации, ее культуры и сообществ, основанных на знаниях.

Но могут ли в настоящее время все страны, их народы и правительства признать такое основание базовым для движения к универсальной, общечеловеческой цивилизации, реальной целью своего развития в XXI столетии? Комплексная модернизация уже приобрела всемирный характер, но при этом большинство стран находятся лишь на первичной, индустриальной ее стадии. Вопрос о характере грядущей цивилизации остается открытым. Чисто теоретически имеются два варианта (сценария) его решения. Первый — принять одну из существующих цивилизаций как лучшую и потому эталонную, как исключительный образец, к которому должны стремиться другие цивилизации, — для них этот эталон становится *экзогенным*. Второй вариант (сценарий) — сконструировать свой или принять ранее предложенный, но пока не реализованный принцип грядущей цивилизации, которая для стран-первопроходцев станет *эндогенной*.

Вместе с тем на новых основаниях возобновился аксиологический конфликт между глобальными экономическими и политическими центрами, которые представляют западную (Вашингтон + Брюссель) и незападные цивилизации (Москва + Пекин + Нью-Дели + Бразилиа и др.). Традиции культуры многих больших стран неза-

падных цивилизаций, их актуальные экономические, политические, социальные интересы побуждают их к отказу от военных конфликтов между странами, тем самым — к противодействию массовым убийствам населения, в конечном счете — к поддержке ценности жизни как фундаментальной ценности цивилизации.

Это позволяет надеяться на то, что постепенно, для каждой страны эндогенно возникнет гуманистически более высокая цивилизация, которую можно охарактеризовать как цивилизацию **реального гуманизма**, которая отвечает интересам подавляющего большинства населения всех стран. Концепт реального гуманизма предложен в ранних произведениях Карла Маркса, до завершения формирования его взглядов в собственно марксистские. В догматизированном марксизме этот концепт был «забыт», а его редкие упоминания были критическими. Тем не менее, многие зарубежные мыслители вдумывались в конструктивные возможности его гуманистического содержания, вырвавшегося из критического взаимодействия взглядов молодого Маркса с концепциями общедемократического характера. Возможность такой интерпретации была обоснована некоторыми «ревизионистами» в начале 30-х годов XX в., вскоре после публикации «Экономическо-философских рукописей 18444 года» и других ранних произведений Маркса.

В постсоветской России на правомерность такой интерпретации еще в 1990 г. обратил внимание В.С. Степин. Он отметил, что «ответ на вопрос о будущем марксизма можно получить, только учитывая возможный перелом в цивилизационном развитии человечества», и выделил в марксистском наследии несколько смысловых пластов, среди них: «...наконец, в-третьих, прозрения и открытия, выходящие за рамки менталитетов техногенной культуры». И добавил: «Критически оценивая историческую ограниченность первых двух, мы не должны упускать из вида важность третьего слоя идей, которые могли бы сыграть свою роль в поиске новых мировоззренческих ориентаций. К таким идеям можно отнести отстаиваемый К. Марксом идеал будущего как интегрированного человечества, которое строит свои отношения на гуманистической основе, на приоритете общечеловеческих ценностей, сменяющих классовые приоритеты: представление о возрастающей ценности человеческой личности, ее творческих возможностей и духовного развития; представления о гуманизации научно-технического прогресса, когда человек и его развитие становятся исходными целями и ориентирами технологического прогресса, когда происходит синтез наук о природе и наук о человеке в единую науку о человеке и т. д. Все эти идеи хорошо резонируют со многими

современными тенденциями мировоззренческого поиска, который знаменует уже в общем-то начавшийся процесс трансформации ряда глубинных ценностей техногенной культуры»¹.

В новом фундаментальном труде «Возникновение марксизма» академик Т.И. Ойзерман представил концепт реального гуманизма как принципиально значимый не только для раннего этапа, но и для всего содержания марксизма. Приведем из названного труда подытоживающие характеристики двух крупных работ молодого Маркса.

«Итак, “Экономическо-философские рукописи 1844 года”... представляют собой, по существу, изложение исходных положений новой формы материализма, а также коммунистического учения, действительной сущностью которого является *реальный гуманизм*. Именно это обстоятельство, т. е. то, что сущностью марксистского коммунизма является реальный гуманизм и образует действительное содержание марксизма, несмотря на несостоятельность утопического представления о будущем человечества»², — представления о будущем как коммунизме.

И далее, в отношении «Святого семейства», написанного Марксом вместе с Энгельсом и опубликованного в 1845 г.: «Главное в нем — теоретическое обоснование “реального гуманизма”. Так называют Маркс и Энгельс свое социалистическое учение. “*Реальный гуманизм*” вытекает из всего содержания “Святого семейства” как теории, которая неразрывно связана с освободительным движением рабочего класса. Реальный гуманизм, как нетрудно понять, противопоставляется абстрактному гуманизму либеральных теоретиков, которые не связывают гуманизм с критикой (а тем более отрицанием) экономического и политического угнетения трудящихся. Отрицание этого абстрактного гуманизма — необходимейшее условие реального гуманизма»³.

Мы считаем, что эти оценки требуют дальнейшего обоснования. Тем не менее они открывают новые, этические перспективы осмысления того, как Маркс понимал сущность общества и, добавим, цивилизации, отвечающей интересам всех трудящихся.

Последовавшие полтора с лишним века небезуспешной борьбы трудящихся в русле программ европейской социал-демократии⁴, а фак-

¹ *Стетин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М.: ИФРАН, 1996. С. 88–89.

² *Ойзерман Т.И.* Возникновение марксизма. М.: Канон-плюс, 2011. С. 318.

³ Там же. С. 351–352.

⁴ Подробнее см. другую книгу Т.И. Ойзермана — *Оправдание ревизионизма* (М.: КАНОН+, 2005).

тически — в духе концепции реального гуманизма Маркса, показали возможные способы осуществления этой концепции, которую, на наш взгляд, следует рассматривать не просто как концепцию нового *общества*, а значительно шире — как *мировоззрение грядущей цивилизации*.

В задачу данного исследования не входит характеристика реального гуманизма как комплексного *мировоззрения*. Обратим внимание лишь на три тесно связанные между собой фундаментальные ценности, которые, на наш взгляд, образуют аксиологическое основание цивилизации реального гуманизма. Это, как выше показано, *жизнь человека* — первая ценность, отделяющая цивилизационное состояние человечества от доцивилизационного. Затем, уже в условиях цивилизации, в нашу эру стали формироваться еще две фундаментальные ее ценности: *человеческое достоинство* как внутренняя ценность, характеризующая само предназначение человека¹, и *ненасилие* в отношениях между людьми, соответствующее самоценности их жизни и достоинства. В этом аксиологическом триединстве первые две ценности — терминальные, относятся к человеку как к живой личности, индивиду, а третья — скорее инструментальная, формулирует высшую норму поведения во взаимоотношениях между людьми.

Проблему ценности человеческого достоинства и политико-правовую ситуацию вокруг нее в XVIII–XXI столетиях крупнейший немецкий философ и политолог наших дней Юрген Хабермас охарактеризовал так: «Философское понятие человеческого достоинства, которое возникло еще в античности, а у Канта обрело свою принятую сегодня формулировку, только с конца Второй мировой войны вошло в тексты по международному праву и во вступившие с тех пор в силу национальные конституции... Напротив, концепт человеческого достоинства как юридическое понятие не встречается ни в классических декларациях прав человека XVIII столетия, ни в кодексах XIX века. Почему в праве речь о “правах человека” зашла настолько раньше, чем о “достоинстве человека”?.. Становится ли идея прав человека до известной степени задним числом морально нагруженной — а возможно и перегруженной — понятием *человеческого достоинства* лишь в историческом контексте холокоста?»

И ответил на свои вопросы отрицательно: «Тесная понятийная связь — пусть даже поначалу лишь имплицитная — между обоими концептами существовала с самого начала». Человеческое достоинство —

¹ *Апресян Р.Г.* Достоинство. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. I. С. 694–695.

«моральный “источник”, откуда подпитывается содержание всех основных прав» — права на свободу, социальные, культурные права и др., в их равновесии, синтезе и неделимости, без выделения каких-либо из них (например экономических) как преимущественных¹.

Мы можем добавить, что достоинство человека как фундаментальная ценность — демаркационное качество цивилизации реального гуманизма, подлинное начало всех прав и свобод человека, антипод любой вседозволенности, особенно той, что пытается спрятать свое лицо под маской цивилизации.

Достоинство человека также означает несравненную ценность каждого индивида, каждого отдельного человека в его связях между людьми. Концепт достоинства человека, по Хабермасу, составляет основу статуса граждан, взаимно признающих друг друга в качестве субъектов равных прав. Следовательно, уже в нем содержится основание ненасилия как высшего этического принципа или закона отношений между индивидами, их сообществами, странами, — закона, который не допускает исключений, а в практической деятельности предполагает ненасильственное сопротивление².

При всей, казалось бы, очевидности этой триады ценностей как фундаментальных, отнюдь не просто, на деле самоотверженно драматично следовать им в реальной жизни — каждой в отдельности, а тем более в их совокупности. История впечатала в генетическую память человечества реальные и легендарные судьбы тех, кто следовал этим ценностям до конца, оплатив нравственный выбор ценой своей жизни. Первым высится древнегреческий философ Сократ. На закате язычества и перед рассветом христианства он явил собой светоч человеческого достоинства и никому не позволил затмить его, а в ответ на рационально-демократическое, но нецивилизованно принудительное решение суда продемонстрировал ненасильственное сопротивление — сам, по своей воле покончил со своей жизнью и стал легендой для всей последующей истории нравственного человечества.

Иисус Христос стал для христиан божественно вознесенным творцом гуманно-цивилизационного выбора. Наперекор прокуратуру Римской империи он отстоял духовное достоинство — свое и всех

¹ Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Он же. Эссе к конституции Европы. М.: Весь мир, 2013. С. 15–17.

² См. Гусейнов А.А. Ненасилие // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 52–53.

людей, независимо от их этнической принадлежности — как данное Богом, никем, кроме Него, не отъемлемое, и возвестил новую, **нашу** эру — эру цивилизации как способа жизнеустройства, основанного на достоинстве человека и его свободе выбора ненасилия.

Недооценен в России подвиг французского философа-просветителя и политического деятеля, академика маркиза Жана Антуана Никола де Кондорсе. Активный участник Великой французской революции, он, скрываясь от преследования якобинцев, написал «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», проникнутый пафосом безграничного совершенствования знаний и способностей человека, затем покинул убежище, был арестован и ненасильственно воспротивился казни — принял яд, чтобы избежать гильотины.

Благодарное человечество чтит подвиг еще двух великих людей, которые уже в наше время воплотили в своем творчестве и повседневной жизни триединство фундаментальных ценностей реального гуманизма: это русский писатель и мыслитель граф Лев Николаевич Толстой и духовный и политический лидер индийского народа Махатма Ганди.

Триада фундаментальных ценностей — жизнь человека, его достоинство, ненасилие в отношениях между людьми — тонкий аксиологический слой ноосферы цивилизации, спасающий человечество от губительного действия первобытной, доцивилизационно импульсивной вседозволенности. Его истончение может привести к возникновению аксиологических дыр в ноосфере цивилизации, через которые будет проникать антицивилизационное облучение соблазнами вседозволенности. В ноосфере цивилизации уже пламенеет вопрос:

Не готовят ли человечеству удел: сгореть в ядерном аду «по собственному желанию» или из-за неразумного попустительства?

В этих условиях самой широкой пропаганды заслуживает аксиологический императив ненасилия, т. е. ненасилия как фундаментальной ценности, требуемой ради сохранения цивилизации. Этот императив сформулирован российским философом, академиком А. А. Гусейновым, в интервью, которое он дал в Нью-Йорке накануне третьего тысячелетия:

«В настоящее время у человечества нет объединяющей идеи, нет общего морального горизонта. Я думаю, именно ненасилие является такой идеей. Ненасилие есть новая духовно-практическая высота, которую

человечество должно взять. Это необходимо и для того, чтобы оно смогло выжить, и для того, чтобы смогло уберечь достижения цивилизации. Этому нет никакой альтернативы»¹.

Да, это так. И если предложенная триада или иные фундаментальные ценности, ориентирующие эволюцию человеческой цивилизации в направлении ее гуманистического возвышения, не найдут поддержки гецивилизационных центров мира и граждан большинства стран, Совета безопасности и в целом Организации Объединенных Наций, то возрастет реальность пессимистических сценариев торжества вседозволенности. Среди них катастрофическим может стать экзогенный для большинства стран сценарий, по которому они следуют по стопам единственного государства-лидера. Эта «исключительная» политическая нация при поддержке ее стратегических партнеров стремится корректировать цивилизационную эволюцию других стран с помощью экономических и политических инструментов. При этом оказывается униженным достоинство даже стран-последователей и их граждан, а странам-диссидентам грозят всесторонними санкциями и ярлыком изгоев.

Созидание цивилизации реального гуманизма — длительный процесс комплексных изменений, который можно назвать *модернизацией всей современной цивилизации*. Участие или неучастие в этом процессе, содействие или противодействие ему — это и есть реальный цивилизационный выбор, который делает каждый человек, гражданин и просто житель планеты Земля.

2. Россия в условиях многомерного цивилизационного выбора

Россия — это страна (государство) и одновременно цивилизация. Об этом свидетельствуют уже пространственно-демографические факты: Россия занимает примерно 1/8 часть земной суши, а ее сухопутные границы имеют протяженность свыше половины экватора (более 22 тыс. км.). Она находится среди десяти стран мира с наибольшим населением, т. е. является одним из больших человеческих сообществ. Она обладает своеобразием и как собственно цивилизация: с осторожностью и сознавая необходимость уточнений, ее мож-

¹ Интервью академика РАН А.А. Гусейнова «Сегодня в мире нет общих моральных идей» (1999 г.) // *Философия и этика: сборник научных трудов. К 70-летию академика А.А. Гусейнова*. М: Альфа-М, 2009. С. 549.

но геопространственно охарактеризовать как *северо-срединную*, а социокультурно — как *российско-этатистскую*.

Первая часть этой характеристики относится к геопространственной типологии цивилизаций (западные, восточные, южные). Она учитывает, что Россия расположена не вообще на Евразийском континенте, а на его *севере* с трудными природно-климатическими условиями и (начиная с Московского княжества, которое стало ядром будущей империи и цивилизации) занимает *срединное* положение на этой части континента, простирающегося от Атлантического до Тихого океана. Очевидно, что она находится не между Европой и Азией, а на их стыке и взаимодействует с несколькими цивилизациями — западной (прежде всего с ее европейской субцивилизацией), арабо-мусульманской, буддийской, китайской и другими.

Вторая часть приведенной характеристики российской цивилизации (как российско-этатистской) учитывает возникшее *несоответствие* ее азиатско-этатистского социума с его авторитарной вседозволенностью ценностям европейской (восточноевропейской) культуры, которое до сих пор препятствует реализации культурного потенциала населения. Это несоответствие лежит в основе длительного торможения эволюции России как государства, общества и цивилизации.

В конце XX в. началась радикальная трансформация цивилизации России. В 90-е гг. ее социум пережил фазу хаотической либерализации, основным содержанием которой вновь стала вседозволенность, на этот раз в сфере приватизации. С начала XXI в. осуществляется консервативная стабилизация наиболее контрастных ее результатов, но трансформация остается незавершенной, сохраняется инерция многих практик российского этатизма, которые воспринимаются как традиционные.

В настоящее время цивилизационный выбор России предстает как неоднозначный. Эндогенный выбор, соответствующий общечеловеческому, заключается прежде всего в определении вектора ее движения от имеющегося состояния к будущему, более высокому состоянию реального гуманизма. Этот выбор основан на утверждении триединства фундаментальных ценностей: жизнь и достоинство человека, ненасилие в отношениях между людьми и странами. Как ниже будет показано, в контексте российского выбора есть основания дополнить названную триаду ценностей еще двумя терминальными ценностями, доминирующими сегодня в аксиологическом сознании россиян: это *порядок* как общецивилизационная ценность следования

закону и *семья* как традиционная ценность, ориентирующая на продолжение российской цивилизации и всего человеческого рода.

Наряду с этим Россия оказалась еще перед одним, экзогенным выбором, о котором сказано выше в связи с глобализацией — выбором в контексте симптомов рецессии человеческой цивилизации, оказавшейся в состоянии кризиса. Это выбор между сохранением имеющегося состояния российско-этатистской цивилизации, при всей его недосовременности, и возможным возвратом к еще менее современным состояниям, который может быть обусловлен противороссийским давлением внешней среды.

Второй, экзогенный выбор можно рассматривать как вероятность существенного ограничения эндогенного выбора или даже отказа от него. Его осуществление во многом зависит от ценностей и политической воли властвующего класса.

Таким образом, Россия, как и всё человечество, находится в ситуации многовариантного цивилизационного выбора. Ниже мы постараемся вникнуть в предпосылки основного, эндогенного выбора России.

Повседневный гуманизм versus вседозволенная авторитарность — эндогенная аксиологическая альтернатива современной России

Мы исходим из аналитических результатов семи волн всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», который осуществляет ЦИСИ Института философии РАН с 1990 г. (1990, 1994, 1998, 2002, 2006, 2010, 2015 гг.). Эти результаты постоянно публикуются, докладываются на российских и международных конгрессах и конференциях, цитируются и активно используются в социогуманитарных исследованиях, в том числе в социокультурных портретах около 30 регионов России, неоднократно сообщались прессе, где получили некоторый отклик, а также направлялись «наверх», но не встретили там явной поддержки.

Опираясь на имеющиеся данные, считаем возможным предложить обратную аксиологическую гипотезу¹ о реальности и характере такого выбора: устойчивое существование фундаментальной альтернативы ценностных позиций, образуемых совокупностями базовых

¹ Прямой была бы гипотеза о содержании самой аксиологической альтернативы, а гипотезу об этом содержании как показателе его среды (в данном случае — о реальности и характере цивилизационного выбора) можно считать обратной.

ценностей (повседневный гуманизм versus вседозволенная авторитарность), которые большинство населения страны воспринимает как реальные¹, свидетельствует и о реальности того цивилизационного выбора, осуществить который предстоит населению данной страны, и о характере этого выбора.

Концептуальной рамкой получения эмпирических данных по программе мониторинга стала модель, включающая 14 базовых ценностей. Как видно из табл. 1, они представляют три культурных типа: традиционные, общекультурные, современные (либерально-модернистские).

Таблица 1

Культурные типы изучаемых базовых ценностей россиян

Исходные виды	Традиционные	Общесовици- зационные	Современные
Терминальные	Традиция Семья	Жизнь Благополучие Работа	Порядок (законность) Свобода
Инструмен- тальные	Жертвенность Вседозволенность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

Результаты мониторинга показали, что на постсоветском этапе в сознании россиян сформировалось динамичное *совмещение всех трех культурно различных типов ценностей*. При этом среди высших, терминальных ценностей преобладают традиционные и общекультурные, а среди более прагматических, инструментальных ценностей — современные. Но в целом в структуре базовых ценностей постепенно растет влияние современных и общекультурных компонент; современные ценности заметно отдаляются от ценностей традиционного типа.

Вместе с тем, в сознании населения России изучаемые базовые ценности образуют устойчивую функциональную иерархию. По уровню поддержки (одобрения—отрицания) населением они консолидированы

¹ Это означает, что одна часть населения *определенно* поддерживает или отрицает одну из возможностей аксиологической альтернативы, а другая часть — другую ее возможность; обе эти части населения должны составлять более 50% взрослого населения страны. По данным мониторинга ЦИСИ, 55–93% опрошенных устойчиво поддерживают или отрицают ценности, образующие названную альтернативу.

в два больших *кластера*, интервалы между которыми значительно больше, чем между ценностями внутри кластеров, — преимущественно интегрирующие (И) и преимущественно дифференцирующие (Д) большинство населения. Внутри каждого кластера, в свою очередь, выделяются по 2 иерархических слоя (табл. 2).

Таблица 2

Функциональная иерархия базовых ценностей населения России, 2015 г. (% респондентов, согласных с соответствующими суждениями, мониторинг ЦИСИ)

Ценности	% согласных	Ценности	% согласных
Интегрирующий кластер (И)		Дифференцирующий кластер (Д)	
И–1. Интегрирующее ядро (75% и больше)		Д–1. Опонирующий дифференциал (35–54%)	
Жизнь	80,2	Жертвенность	52,2
Порядок (законность)	79,9	Инициативность	49,2
Общительность	79,3	Нравственность	45,5
Семья	78,8		
Средняя поддержка ценностей кластера И–1	79,5	Средняя поддержка ценностей кластера Д–1	49,0
И–2. Интегрирующий резерв (55–74%)		Д–2. Конфликтогенная периферия (меньше 35%)	
Благополучие	67,0		
Независимость	63,3		
Свобода	62,5		
Традиция	61,6	Властность	22,3
Работа	55,8	Вседозволенность	22,3
Средняя поддержка ценностей кластера И–2	62,0	Средняя поддержка ценностей кластера Д–2	22,3

Совмещение трех типов базовых ценностей представляет собой результат спонтанной эволюции массового сознания населения постсоветской России, свободного от прямого административного давления государства. Она совершается под влиянием политической, социально-экономической, институционально-правовой и культурной трансформации российского общества, включая СМИ. В этой эволюции можно выделить три этапа: 1) рационализация, зна-

чительная модернизация структуры ценностного сознания россиян (1990–1996 гг.); 2) частичный возврат этой структуры к советскому прошлому, ретрадиционализация (1996–1999 гг.); 3) стабилизация своеобразного баланса культурно различных типов ценностей, современное их «примирение», или взаимная толерантность, своеобразный синтез (с 2000 г. по настоящее время).

1. Интегрирующий кластер включает ядро ценностей и его резерв. *Интегрирующее ядро* ценностей консолидирует в среднем около 80 % населения. Его устойчиво образуют три терминальные ценности: общецивилизационная ценность *жизни* человека, традиционная ценность *семьи* и либеральная ценность *порядка* как соблюдения законов. Состав ядра может изменяться за счет *интегрирующего резерва*, ценности которого консолидируют около 60 % населения, а их состав пульсирует.

2. Дифференцирующий кластер также включает два слоя ценностей. В верхнем слое, *оппонирующем дифференциале* (поддержка менее 50 % населения) совмещаются культурно разнотипные ценности. А нижний слой, *конфликтотенная периферия* базовых ценностей (менее 35 % поддержки населения) устойчиво включает традиционалистскую *вседозволенность* и общецивилизационную *властность*.

Итак, на полюсах функциональной иерархии базовых ценностей обнаруживается альтернативная пара ценностных макропозиций: 1. **Гуманизм**, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритета закона; 2. **Авторитарность**, означающая приоритет ценности власти над людьми (табл. 3).

Таблица 3

Динамика поддержки альтернативных пар ценностных позиций

Ценностные позиции, ценности	Согласны, %			
	2002 г.	2006 г.	2010 г.	2015 г.
1.1. Повседневный гуманизм: <i>жизнь, семья, друзья, порядок (законность)</i>	80	73	86	79,6
1.2. Инициативный гуманизм: <i>жизнь, инициатива</i>	62	70	89	65
2.1. Нравственная авторитарность: <i>властность, красота</i>	33	35	39	34
2.2. Вседозволенная авторитарность: <i>властность, можно посягнуть на жизнь другого человека</i>	22	19	23	22

Все последние годы большинство россиян (65–80 %) устойчиво поддерживают ценности гуманизма, а авторитарность — лишь 22–34 %. Каждая из этих ценностных позиций тесно связана еще с двумя-тремя ценностями, которые близки между собой по смыслу и вместе с ключевой ценностью образуют ценностную макропозицию. В свою очередь, в каждой макропозиции различается своя пара более конкретных позиций. Первую, гуманистическую их пару образуют повседневный и инициативный гуманизм.

Основу *повседневного гуманизма* составляют ценности жизни человека и хорошие отношения в семье и с друзьями; ценность семьи постоянно занимает одно из первых мест в общероссийских и региональных опросах, а в 2010–2015 гг. на первое поднялась ценность жизни (в ряде регионов она стала лидирующей уже в 2006–2007 гг.). Специфику гуманизма как повседневного характеризует ориентация на то, что безопасность жизни человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами. Данная позиция означает поддержку такого порядка в обществе, который основан на обязательном соблюдении закона всеми гражданами. Позицию повседневного гуманизма разделяют около 80 % населения России, что характеризует ее как самую массовую, наполняющую повседневную жизнь людей.

Инициативный гуманизм отличается от повседневного ориентацией на то, что человеческая жизнь обретает более высокий смысл, когда главное в ней — инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если индивид оказывается в меньшинстве. Мониторинг 2015 г. показал, что внутренне, в глубине своего сознания такую позицию продолжают разделять почти 65 % населения. Это не противовес повседневному гуманизму, а дополняющий его акцент на активную деятельность человека, которая возвышает его достоинство. Такая позиция сочетается с уважением к сложившимся обычаям, традициям, с жертвенной готовностью помогать бедным и слабым, даже если приходится отрывать что-то от себя. Но почему инициативный гуманизм мало заметен в реальной жизни? Причины коренятся в функциональной превращенности аксиологической альтернативы (о ней пойдет речь ниже), порождающей застойные сферы жизнедеятельности (включая дефицит компетентного управления), которые тормозят, часто блокируют инициативу людей.

Вторая пара ценностных позиций вырастает на почве двух видов авторитарности: нравственной и вседозволенной. *Нравственная*

авторитарность сочетает властность с нравственным критерием: «В любых условиях красота делает человека лучше и чище». Казалось бы, вряд ли наберется статистически значимое число респондентов, придерживающихся столь радикальной позиции. Действительно, в 2002 и 2006 гг. их оказалось лишь 5–6% от всех ответивших. Но в 2010–2015 гг. их доля увеличилась до 16–46% от всех ответивших и до 70% среди тех, кто разделяет властность как ценность. Учтем, что эта позиция положительно сопряжена с самостоятельностью человека («я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям»), приоритетом содержательной работы как основного дела жизни, неприятием возможности по своей воле посягнуть на жизнь другого человека.

Вседозволенная авторитарность тоже не столь тривиальна, как можно было бы судить только по ее названию. Конечно, прежде всего это такая властность, которая приемлет возможность самому, по своей воле посягнуть на жизнь другого человека; это как минимум авторитарная властность. Такую позицию разделяют около 40% «авторитаристов», а среди всего населения — свыше 20%, что совсем немало. В сознании многих из них вседозволенность сочетается со свободой, т. е. они понимают свободу как своеволие. Другие связывают такую авторитарность с инициативой, предприимчивостью.

Рассмотренные ценностные позиции остро конфликтны, их поддерживают численно разные массы населения. Повседневный гуманизм большинства (преимущественно терминальная ценностная позиция) служит интегрирующим ядром ценностного пространства России, а инициативный гуманизм выступает его интегрирующим резервом. Напротив, нравственная авторитарность меньшинства образует своего рода оппозирующий дифференциал ценностного пространства, а вседозволенная авторитарность выступает как его конфликтогенная периферия.

Обратная картина наблюдается при анализе практической, институционально-регулятивной функции рассматриваемых позиций. Ее осуществление предполагает наличие властных, авторитарных качеств у ее носителей, которые, как правило, принимают эти качества как инструментальную ценность. Соответственно, приверженцы авторитарности, составляя менее четверти населения (22%), стремятся войти и часто входят в структуры власти (политические, экономические, культурные; формальные и неформальные), а при решении управленческих задач контролируют гуманно ориентированное большинство, доминируют над ним. Следовательно,

при осуществлении институционально-регулятивных функций демократическая иерархия базовых ценностей превращается в антидемократическую: дифференцирующие инструментальные ценности доминируют над терминальными интегрирующими. Следовательно, реально наиболее активна превращенная, авторитарная иерархия ценностных позиций; она доминирует над естественной, демократической интегрирующей функцией.

Две авторитарные позиции по-своему также альтернативны друг другу: в одном случае речь идет о доминировании, которое основано на нравственности и отрицает своеволие, а в другом — о своевольном доминировании, отрицающем нравственность. Тем не менее в практике управления их сторонники обнаруживают общие интересы, на почве которых они могут достичь взаимопонимания, служить «крышей» друг другу, сотрудничать как партнеры; нередко «нравственные авторитаристы» со временем утрачивают свои благородные принципы и в практической деятельности оттесняют нормы конституционной демократии на периферию общественной жизни.

Гуманное большинство тоже неоднородно. Одно дело — инициативный гуманизм, который сочетается с заботой человека о своем здоровье и благополучии, готов уважать традиции, помогать бедным и слабым. И другое — повседневный гуманизм, ориентирующий человека на семью и порядок, но не склонный к жертвенности. Это различающиеся между собой позиции, но не альтернативные, а взаимодополняющие.

Таким образом, альтернативность двух пар ценностных позиций сопровождается антидемократичной, авторитарной превращенностью их функций: их интегрирующая роль прямо пропорциональна, а институционально-регулятивная — обратно пропорциональна массовости их поддержки населением.

Симбиоз прямой и обратной иерархии базовых ценностей составляет предпосылку гражданского конфликта: между гуманистичным большинством населения и авторитаристским меньшинством. В последнее десятилетие российской истории этот конфликт проявляется в том, что позиции вседозволенной авторитарности (коррупции, преступности, терроризма) сохраняются при малом противодействии, даже при попустительстве сторонников инициативного гуманизма. Такое попустительство реально означает толерантный симбиоз альтернативных ценностей. На деле этот симбиоз блокирует реализацию пока еще высокого культурного потенциала широких слоев населе-

ния, их модернизационную активность. Требуется отстаивать правила конституционной демократии, обеспечивающие ротацию людей у власти любого уровня.

Такая ситуация характерна как для России в целом, так и для многих ее регионов. Координируемые ЦИСИ ИФРАН исследования более чем в 20 субъектах РФ показывают высокое сходство общероссийских и региональных структур базовых ценностей. Около 70 % функциональных позиций ценностей населения большинства регионов аналогичны общероссийским, а различаются около 30 %. Иными словами, в регионах наблюдается в основном тот же толерантный симбиоз альтернативных ценностей, но и с немалыми особенностями. Такое сходство скрепляет социокультурное пространство России, но в то же время свидетельствует о глубокой укорененности его противоречий.

С каким именно цивилизационным выбором соотносится охарактеризованная выше аксиологическая альтернатива? Позиция вседозволенной авторитарности соответствует давно укоренившимся и потому *инерционным практикам* российско-этнической цивилизации. Такая авторитарность опирается на азиатское взаимопроникновение власти и собственности, но ее содержание отнюдь не сводится к политической сфере, а охватывает вседозволенное властолюбие во всех его проявлениях — в быту, экономике, культуре, политике, общественной жизни. Противоположную позицию (повседневный гуманизм) можно рассматривать как исходный ценностный ориентир качественно иного способа жизнеустройства, о котором давно мечтает подавляющее большинство населения России как о справедливом. На наш взгляд, этой мечте близок идеал цивилизации реального гуманизма. Как выше было показано, этот выбор основан прежде всего на утверждении триединства фундаментальных ценностей: жизнь и достоинство человека, ненасилие в отношениях между людьми и странами. Вместе с тем применительно к России результаты эмпирических исследований побуждают дополнить универсальную триаду ценностей еще двумя терминальными ценностями, которые сегодня доминируют в аксиологическом сознании россиян: это *порядок* как общецивилизационная ценность следования закону и *семья* как основной институт воспроизводства цивилизации и всего человеческого рода. Таким образом, получаем пентаграмму фундаментальных ценностей цивилизационного выбора современной России, ориентирующего ее эволюцию в направлении реального гуманизма (рис. 1).

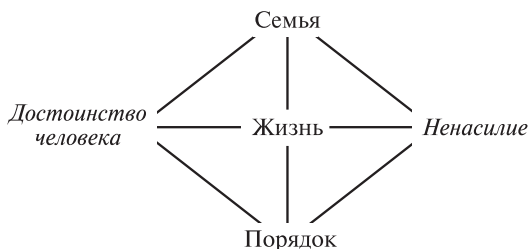

Рис. 1. Пентаграмма фундаментальных ценностей цивилизационного выбора России (русский вектор реального гуманизма)

Следовательно, эндогенный цивилизационный выбор современной России — это выбор между инерцией практик российского этатизма, которые использует явное меньшинство населения, и внутренней потребностью подавляющего его большинства создать цивилизацию реального гуманизма — осуществленного, а не только желаемого идеала.

3. Смысложизненные переживания и ориентиры человека в контексте цивилизационного выбора России

При осмыслении категории цивилизационного выбора неизбежно обнаружение некоторых сложностей. Одна из них связана с его политизацией. В некоторых работах (в том числе статьях в СМИ), где затрагивается это понятие, речь идет о связи цивилизационного выбора с базовыми принципами государственности¹, с цивилизационным выбором политического лидера, со стратегией развития страны на ближайшие десятилетия, с направленностью Украины на сближение с ЕС... Складывается впечатление возможности осуществления этого выбора только на уровне социальных макросистем, а конкретному эмпирическому индивиду отводится лишь роль адаптации, необходимости встраиваться в те ситуации, которые обусловлены политическим курсом данной страны. Есть точки зрения, что выражение «цивилизационный выбор» не имеет смысла, так как такого выбора попросту не существует. Возможность культурного выбора некоторые авторы также представляют как проблемную, так как это приво-

¹ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

дит к идее отказа от культурной самоидентификации. Само «понятие «выбор» имеет смысл и актуально, но означает выбор между прошлым и будущим данной культуры, т. е. означает способность этой культуры к ее переходу на следующий этап цивилизационного развития»¹. Выбор в этой связи сводится к способности культур создать или переменить и принять наиболее эффективные для развития цивилизационных параметров гуманитарные и социальные структуры. В данном процессе главная роль отведена научному и техническому прогрессу.

Принимая во внимание определение цивилизации, предложенное в разделе 1 данного текста, — как способа жизнеустройства больших сообществ и их совокупностей (этносов, обществ и, возможно, всего человечества), который позволяет предоставить каждому человеку возможности для самореализации и саморазвития, — мы обратились к субъективному ракурсу восприятия конкретной личностью тех социальных изменений, участником которых он в той или иной мере является. В качестве эмпирической основы нами использованы результаты исследования с привлечением биографического (нарративного) метода на основе слабоформализованного интервью «Смысложизненные переживания и ориентиры человека в современном российском обществе» (опрошено 47 человек)². В исследовании приняли участие респонденты в возрасте от 30 до 90 лет. Анализ результатов биографического интервью осуществлялся с привлечением результатов всероссийских и региональных социологических исследований, в которых в том или ином виде затрагивались вопросы о ценностях, идентичности, социально-психологическом состоянии населения и его удовлетворенности происходящими в стране переменами.

Целью биографического исследования являлось изучение реальных историй жизни людей с акцентом на интерпретации тех ценностно-смысловых ориентиров, которые выражают видение ими жизни, себя и социального сообщества в собственной стране; на понимании кризисных ситуаций, в которых они находились, личных и социальных контекстов их протекания, причин и путей преодоления. В числе задач выступало также выявление структурных категорий, правил, стратегий, к которым в различных социальных контекстах прибегали люди,

¹ Кунафин М. О смысле выражения «цивилизационный выбор» // Политическое образование. Информационно-политический журнал (<http://www.lawinrussia.ru/blog/3771>) (Дата обращения 24.09.2014).

² Автор исследования Н.А. Касавина (2013 г.). Исследование проводилось в рамках гранта Президента РФ молодым ученым (2012–2013 гг.).

излагая те или иные события, отражающие как внешнюю действительность, так и динамику личной духовной жизни. На наш взгляд, полученные результаты позволяют сделать некоторые выводы о личностном восприятии смыслов, связанных с понятием «цивилизационный выбор», которое не принадлежит обыденному сознанию.

Важным исходным моментом являлась предпосылка нарративного интервью, охарактеризованная Ф. Шюце: рассказчик воспроизводит историю о событиях своей жизни так, как эти события были им пережиты, т. е. жизненный опыт репродуцируется исходя из той релевантности, какую он имеет для самого повествующего. Речь идет о гомологии формы рассказа структуре жизненного опыта. Акцент был сделан на степени включенности респондента в кризисные события, которые были связаны со становлением общества, социальной системы, на взаимосвязи личного и социально-политического, социально-экономического пространств, в которых разворачиваются истории жизни. Ставился вопрос о поворотных событиях, «высших точках» индивидуального развития респондента. Анализ историй жизни представителей разных поколений вскрывает особенности их социальной идентичности, стержневых ценностных и символических элементов, с помощью которых они выражают свои представления о себе на индивидуальном и коллективном уровне и которые служат с одной стороны стимулами к развитию, а с другой помогают преодолевать сложные периоды личных и общественных трансформаций.

В качестве методологической базы использовались работы Ф. Шюце, Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой, В.Ф. Журавлева, Н.Н. Козловой, Е.Р. Ярской-Смирновой и др.¹

¹ Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67; Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61; Шюце Ф. Биографическое исследование и нарративное интервью (Отрывки) // Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: Феномен детства в воспоминаниях. М., 2001. С. 142–147; Семенова В.В. Качественные методы в социологии // Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998; Судьбы людей России — XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В.Семенова, В. Фотиева. М: Институт социологии РАН, 1996; Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005; Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4. М., 1994. № 3–4. С. 34–43.

Анализ проведенных биографических интервью показывает прежде всего межпоколенческие различия историй жизни, восприятия и оценки кризисных ситуаций и форм их преодоления.

Старшее поколение, а именно люди, пережившие войну или родившиеся в военные годы, чье детство пришлось на послевоенную разруху, воспринимает это время как самое тяжелое в своей жизни. Отдельное явление в их жизни — репрессия — событие, которое приводило к распаду семьи, вызывало чувство несправедливости, обиды, неуверенности в себе. Однако послевоенное время было связано и с ожиданиями лучшего, общим душевным подъемом, дальнейшим формированием объединяющих идей строительства коммунизма, которому после победы над фашизмом, казалось, уже нет преград. Следующим тяжелейшим периодом жизни этого поколения стали 1990-е гг. Люди, родившиеся до войны, в 1990-е гг. уже заканчивали трудовую деятельность, выходили на пенсию. Кризис 1990-х гг. спровоцировал переживание и осознание того, что многие их усилия были напрасны, идеология потерпела крах, накопления были потеряны, пенсия и заработная плата в их денежном выражении были обесценены. Люди уже не могли адекватно адаптироваться к новому положению вещей. Свои переживания они описывают как «ощущение беспорядка», «чувство незащищенности, беспредела», называют многие реальные случаи, когда люди в результате обмана лишались жилья, уезжали, умирали, «теряли свое место в родной стране». В качестве экономической платформы, которая помогла пенсионерам выжить в годы кризиса, респонденты указывают на то, что властью не были отняты их квартиры.

Мировоззренческим ударом для этого поколения стал пересмотр истории Советского Союза, в том числе истории Великой Отечественной войны. Разочарование в советской истории, в социалистических идеях, стало разочарованием в собственной истории их жизни, что усугубило многие переживания, свойственные периоду старости: ощущения, что «не всё удалось успеть из желаемого, а сил уже нет, время уходит». Отрицательные изменения в здоровье на этом неблагоприятном фоне воспринимались очень болезненно (последнее явно прочитывается в опубликованном посмертно дневнике Михаила Ульянова. См.: Неизвестный Михаил Ульянов. Дневники и записные книжки. М., 2012).

Согласно Т.В. Евгеньевой, разрушение «картины мира» советского человека при отсутствии адекватной компенсации лежит в основе формирования кризиса личностной идентичности в современной

России¹. Следует отметить, что 1970-е гг. в воспоминаниях этого поколения оцениваются положительно, несмотря на товарный дефицит, очереди и другие проблемы. Это отмечено, например, в исследовании Е.С. Нечаевой².

Пожалуй, менее болезненно кризис 1990-х гг. ударил по их детям — людям, родившимся в 1950—1960-е гг. На время 1990-х гг. выпало их личностное, социальное, профессиональное самоопределение. Это поколение имело адаптивные ресурсы, оно было достаточно молодо для того, чтобы выбрать новый путь в изменившейся обстановке. Сложность положения его представителей состоит в том, что они оказались на границе разрыва между советским и постсоветским социокультурным пространством. Они получили представления о жизни, свойственные советской культуре, образование и профессию исходя из советских ценностей, что затруднило их поиск своего места в постсоветской России. С общим экономическим и политическим кризисом совпал и «кризис середины жизни», связанный с сомнениями в правильности избранного жизненного пути, в собственных способностях. Оценивая доперестроечное время, это поколение называет такие тяжелые периоды, как конец 1970-х гг. — пик застоя, сопровождавшийся «ощущением тошноты», «затхлости». Присутствуют и противоположные, радужные оценки, словно демонстрируя антиномичность социальной идентификации.

Другим сложным этапом, упоминаемым в ходе повествования о собственной жизни, явился конец 1980-х гг. Респонденты указывали, что в 1985—1986 гг. они думали об изменении общей ситуации к лучшему. В то время молодое поколение ожидало нового, появилось ощущение свободы, в том числе свободы передвижений. Пришедшее позже понимание ложности, иллюзорности надежд было тяжелым. Ощущение неустойчивости упрочилось, в том числе по финансовым причинам. Данное поколение столкнулось с необходимостью выбора между сохранением сложившейся самоидентификации или отказом от нее.

Из книги С. Алексиевич «Время секонд-хэнд» (М., 2013), составленной из воспоминаний и свидетельств тех, для кого общественно-

¹ *Евгеньева Т. В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // *Полития.* 1999. № 1. С. 34.

² *Нечаева Е. С.* Структуры повседневности советского человека в период перестройки (опыт анализа биографических интервью) // *Теория и практика общественного развития.* 2012. № 8. С. 108–111.

политические перемены 1990-х гг. стали психологической травмой, следует, что даже не сталинские репрессии и не Великая Отечественная война, а время перестройки стало для них тяжелейшим опытом, поставившим под сомнение смысл всего прожитого в XX в., разрушившим их базовые ценности.

Следующее поколение — люди, родившиеся в 1970–80-е годы. Время перестройки не было для них таким болезненным, так как они были еще очень молоды, собственных семей не создали, ответственности за детей еще не несли. Разумеется, они испытали сильную стесненность в средствах, когда учились, многим приходилось совмещать обучение и работу. Но это поколение еще попало в волну бесплатного образования, в том числе высшего, и это послужило фундаментом будущей карьеры. Профессиональное самоопределение после обучения характеризуется как нелегкое, связанное с тем, что формировались рыночные отношения, было сложно найти хорошо оплачиваемую работу в новых экономических и социальных условиях. В то же время уровень притязаний, потребностей людей по сравнению с предыдущими поколениями существенно вырос.

В целом первая декада 2000-х гг. оценивается ими как относительно благополучное время. Респонденты отмечают появление новых возможностей профессионального роста, новые виды деятельности, возможности заработать. На деятельность В. В. Путина возлагаются новые надежды. Следует отметить, что всероссийское социологическое исследование «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования», проведенное в 2004 г. Социологическим центром РАГС при Президенте РФ, показывает, что В. В. Путин по своему влиянию на историю России оказывался на 3-м месте после Петра I и Екатерины Великой¹.

Однако к концу этой декады отношение к В. В. Путину и осуществляемой им деятельности меняется. Отдельным моментом, который хотелось бы отметить, является выраженная склонность самого молодого из опрошенных поколений сравнивать Россию с развитыми странами, в основном европейскими. В этом сравнении Россия совсем не выигрывает. Респонденты отмечают ощущение безнадежной отсталости в уровне жизни, торжество коррупции, безответственности,

¹ Бочарникова И. С., Калужная Н. А., Кулибаба С. И. Народная культура: стратегии сохранения национальной идентичности. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 139.

отсутствие порядка, отсутствие надежд на изменение к лучшему в России в обозримые сроки.

Эмоционально-психологический фон кризисных ситуаций, характеризующий их экзистенциальный смысл, артикулируется респондентами как ощущение потерянности, неустойчивости, неустроенности, страх перед будущим, страх за детей, ощущение собственной уязвимости, иллюзорность надежд. Весомая часть населения России сегодня переживает состояния (апатия, тоска, отчужденность, тревога, чувство беспомощности и безнадежности), не настраивающие на успешное сопротивление в отношении неизбежных кризисных ситуаций. В психологических исследованиях эти состояния связываются с отсутствием более или менее ясного чувства идентичности¹. Эмоциональными индикаторами прогрессивного функционирования и развития личности являются субъективные переживания осмысленности и удовлетворенности жизнью. Они свидетельствуют о том, что личность в целом принимает свое жизненное пространство, продуктивно действует и взаимодействует в его поле, эффективно разрешает встречающиеся противоречия. Стойкое снижение удовлетворенности жизнью извещает, как правило, о том, что в развитии личности назрели такие противоречия, которые его существенно осложняют и отягощают. Анализ этой проблемы приводится в теоретико-эмпирическом исследовании К. В. Карпинского².

Обращаясь к положительному опыту преодоления кризисных ситуаций, респонденты указывают на разные его факторы. Наиболее часто они сопряжены с ключевыми ценностями: семья, близкие люди, работа (творческая деятельность). Мужчины, которые в большей степени ответственны за выживание, благосостояние семьи, наиболее тяготеют к работе как источнику сил и самореализации, женщины чаще — к сферам личной и семейной жизни.

В этой связи обратимся к данным некоторых социологических исследований. Согласно результатам всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян», интегрирующее ядро ценностей, которое консолидирует более 60 % населения, более 15 лет составля-

¹ См.: Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 133–134.

² См.: Карпинский К. В. Смысл жизни и ресурсы его реализации: К пониманию механизмов личностного кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 3–33.

ют две терминальные ценности: семья и порядок¹. Получается, что «ощущения беспорядка», неоднократно упоминаемые респондентами в ходе биографического интервью, находятся в противодействии с терминальной ценностью порядка, и это совсем не случайно. Эта ценность отражает нехватку, кризис порядка и ответственности, который имеет место в сознании россиян.

Согласно другому масштабному исследованию «Российская идентичность в социологическом измерении» (М. К. Горшков, А. Л. Андреев, В. А. Аникин и др.), наибольшей значимостью для большинства россиян обладают три сферы их жизни — семья, работа и друзья. «Значимость семьи огромна для представителей всех мировоззренческих, возрастных, доходных и т. д. групп — во всех них о том, что семья очень важна для них, заявили 90–91 %, и практически все остальные отмечали, что она “скорее важна”»².

В целом можно отметить, что тревожность населения высока и имеет выраженные экономические и политические факторы, что ослабляет ощущение идентичности как обретения своего места в конкретном социальном и культурном пространстве. Социально-экономические проблемы, ощущение материальной неустойчивости и неудовлетворенности создают ситуацию общей неопределенности в жизни каждого отдельного человека, ставят под сомнение его собственную социальную стабильность.

Результаты различных исследований фиксируют фрагментарность сознания, ценностного самоопределения, что свидетельствует о сложности процесса формирования идентичности. Е. Т. Соколова применительно к обществу современной России пишет о «фрагментации», «расщеплении», «нестабильности» — состояниях, по большей части заимствованных из клиники расстройств личности. По ее мнению, в основании сегодняшней культурной дезинтеграции лежит «парадоксальность противоположно направленных и крайне поляризованных векторов развития — тенденции к глобализации и стремления сохранить и законсервировать традиционные национальные культурные особенности. Нет согласия в определении основных задач социокультурной

¹ Латин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.

² Российская идентичность в социологическом измерении (аналитический доклад) / Институт социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. М., 2007. С. 54.

самоидентификации: отсутствует единая историческая память, следовательно, нет и разделяемого всеми пространства общечеловеческих и национальных ценностей. Противоположны представления о Я и Мы, границах и критериях своего и чужого, Я и Они; объединяющим является лишь пессимистически-паранойяльное отношение к чужому и ощущение бесперспективности настоящего и будущего»¹. В то же время другие части современной российской идентичности «энергетически заряжены амбициозностью, перфекционизмом, грандиозностью и нарциссизмом, т. е. отвергают преемственность традиций, ограничения, общепринятые нормы и многие моральные табу... они эгоцентричны, не обременены чувством долга и ответственности, “играют в жизнь”, предпочитают “позитив” и ценят перемены исключительно как развлечения, по-детски сосредоточены на самих себе и самовыражении»². Каждая из этих частей идентификации по-своему ущербна, лишена точек соприкосновения. Человек сегодня поставлен перед множеством персональных, ответственных выборов, что создает особую экзистенциальную тревогу, «тем большую, чем более простым образом устроена его когнитивная система, чем более он зависим от непосредственных влияний макро- и микросоциального окружения, чем менее толерантен к неопределенности и способен “обращаться” с ней конструктивно»³.

Оценка результатов социологических исследований показывает: при выражении своего общего отношения к стране или региону респонденты проявляют большой оптимизм, в то время как при оценке отдельных сфер общественной жизни или удовлетворенности отдельными аспектами жизни пессимистический настрой более выражен⁴. Это может свидетельствовать о том, что человек даже при существующих проблемах (выраженных в сознании как, например, бедность и преступность), настроен на укорененность в пространстве данной территории. Ее положительное восприятие порой даже вопреки реальной политико-экономической обстановке имеет экзистенциальную ценность, наделяя личность ощущением причастности, устойчивости, надежды.

¹ Соколова Е. Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 3. С. 197.

² Там же. С. 198–199.

³ См.: Там же. С. 200.

⁴ См. например: Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 2009. С. 238; Митрошенков О. А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования, 2005. № 11. С. 37–46.

Когда же речь идет о конкретных условиях жизни, респонденты склонны к более критической оценке объективных социальных обстоятельств и своего отношения к ним. В условиях экономической незащищенности идентичность и адаптивные способности населения обусловлены в большей степени традиционными культурными, экзистенциальными ценностями. Однако этот ресурс имеет естественные пределы и не может бесконечно подпитываться только энтузиазмом людей, который, в сущности, является их последним рубежом. Противоречия социальной жизни приводят к тому, что ощущение целостности, устойчивости существования, самореализация достигаются личностью с большим трудом. Социокультурная идентификация на мировоззренческом уровне затрудняется ценностной дезинтеграцией, конфликтом традиционализма и диффузной изменчивости, на социально-экономическом уровне — низкой эффективностью экономики. Следствиями последнего выступают низкие доходы большей части населения, несформированность среднего класса, «тяжелое дно» в стратификационной структуре общества, что вызывает недовольство населения, социальный пессимизм, страх, т. е. актуализирует факторы, препятствующие успешному развитию личности. В этой связи «цивилизационный выбор» России и ее развитие в XXI в. трудно представить без влияния, с одной стороны, на конструктивную ценностную ориентацию общественного сознания, с другой — на эффективное развитие отечественной экономики и социальной сферы.

4. Поэтапная интегрирующая модернизация — способ осуществления гуманистично-возвышающего цивилизационного выбора России, ее движения к реальному гуманизму

Исследования социокультурной модернизации в регионах РФ, выполненные ЦИСИ в последние два года, показали целесообразность поэтапной стратегии интегрирующей модернизации¹. Ограничимся сжатой характеристикой актуальных ее аспектов.

¹ См. например: Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2013; Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» / Предс. редколлегии Н.И. Лапин. Пермь: ГНИИУ, 2014.

В соответствии с изложенными выше положениями, под модернизацией России мы понимаем осуществление ее цивилизационного выбора: эволюционное преодоление практик российского этатизма и начало созидания практик реального гуманизма. Это комплексный и длительный процесс. Он включает четыре основные компоненты, которые здесь мы только назовем: технико-технологическая, социально-экономическая, социокультурная, институционно-регулятивная.

В настоящее время Россия представляет собой модернизационно среднеразвитую страну, которая заторможено завершает первичную и с опозданием начинает вторичную стадии модернизации (соответственно, занимает 43-е и 28-е места, а по интегрированному индексу двух стадий — 36-е место среди 131 страны). Наблюдается разбалансированность и социокультурная неэффективность осуществляющихся процессов модернизации. Возник неустойчивый баланс неявно регулируемой стагнации и спонтанной модернизации, который может быть нарушен случайными, малыми воздействиями. Сохраняются рискоопасные дистанции между модернизованностью разных регионов — субъектов и федеральных округов РФ. ЦИСИ выявил четыре модернизационных кластера федеральных округов России. На первичной стадии модернизации низкий кластер образуют Южный и Северо-Кавказский округа: их характеризует заторможенное, сравнительно поздно начавшееся повышение состояний первичной модернизации, лимитированное фазами роста или перехода к зрелости. Средний кластер составляют Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа, которые с некоторым запаздыванием всё же достигли третьей фазы первичной модернизации — фазы зрелости, но не преодолели барьера завершающей, четвертой ее фазы — фазы перехода ко вторичной модернизации. На вторичной стадии модернизации кластер выше среднего представляет Уральский округ. Благодаря нефтегазовым автономным округам и промышленной Свердловской области он уже к 2005 г. вошел в стадию вторичной модернизации и к 2010 г. сохранил эту позицию. Высокий кластер образуют Центральный и Северо-Западный федеральные округа, которые во многом благодаря своим столицам уже в 2000 и 2005 гг. вошли во вторичную стадию социоэкономической модернизации и находятся в ее начальной фазе.

Наличие кластеров макрорегионов, существенно различающихся по своему модернизационному статусу, чревато рисками для целостности страны, служит почвой для активизации национал-сепаратистских настроений. Особенно чувствительны и рискоопасны такие ситуации

для приграничных субъектов Российской Федерации. В связи с противороссийской позицией Европейского союза и США в контексте последних событий в Украине актуализировались задачи повышения модернизованности 26 регионов России, граничащих с регионами 17 стран. Нарастают также риски снижения благополучия населения и его доверия органам власти. Обостряется потребность в разработке стратегии модернизации как сбалансированного комплексного процесса и программ реализации этой стратегии.

Мы предлагаем стратегию поэтапной интегрирующей модернизации, которая обеспечивает не только повышение ее эффективности, но и уменьшение дистанции между состояниями модернизованности регионов, повышение межрегиональной консолидации России. Это достигается благодаря последовательному движению регионов от первой стадии модернизации ко второй, а внутри стадий — от одного состояния (типа) модернизованности к следующему, смежному с ним, более высокому состоянию (типу).

В настоящее время первоочередной является задача завершения первичной, индустриальной стадии модернизации. Ключевое звено этой задачи — *новая индустриализация*. Она должна обеспечить переход около двух третей регионов страны к индустрии пятого технологического уклада (электронная промышленность, производство электронной техники) и начало перехода к шестому укладу (нанотехнологии, клеточные технологии). Следующий, более сложный этап — переход около трети регионов к информационной стадии модернизации, основанной на знаниях.

На этих и следующих этапах должна также осуществляться *мини-макс-стратегия* повышения благополучия населения: минимизация человеческих бед и, по возможности, увеличение благ, имеющих жизненно важное значение для максимального числа населения. Уже при подготовке стратегии модернизации федеральные органы власти вводят правила бюджетного ее обеспечения (через целевые программы и др.), более справедливые и прозрачные правила получения и использования доходов в регионах, устраняя искусственные нормы «дотационности» и иными способами стимулируя заинтересованность регионов в модернизации. Открывают каналы взаимной заинтересованности регионов в развитии горизонтальных взаимодействий, отраслевых и межотраслевых инновационных кластеров. Региональные органы власти инициируют конкурсы на разработку и участие в осуществлении проектов модернизации. Научно-исследовательские институты, университеты и другие вузы

начинают действовать в качестве экспертов-модераторов модернизационного процесса, особенно в части инновационных высокотехнологичных проектов.

Осуществление стратегии поэтапной интегрирующей модернизации позволит уменьшить модернизационные дистанции между субъектами и федеральными округами РФ, повысить благосостояние населения, тем самым — консолидировать социокультурное пространство России, снизить угрозы и риски ее государственной целостности.

5. Увеличение нематериального капитала — стратегическая задача социокультурной модернизации России

В определении путей развития России, ее цивилизационного выбора недостаточно актуализированы проблемы наличия, развития и взаимодействия нематериальных ресурсов общества. Принято считать, что современная Россия по определению обладает достаточно развитыми человеческими и культурными ресурсами, имеет в потенции хорошие предпосылки для проявления качеств соборности и взаимопонимания, сострадания и взаимопомощи. Это с одной стороны. А с другой — присутствует представление о самодостаточности и доминировании материального интереса как движущей силы развития экономики и социальных отношений, которая подавляет другие стимулы и интересы. Такие представления не позволяют критически оценивать роль нематериальных ресурсов в решении задач социокультурной модернизации страны. Для преодоления такого априорного и широко распространенного представления полезно рассмотреть эту проблематику в традиции, которая все больше утверждается в общественном сознании, а именно как исследование нематериального капитала общества. При этом само понятие капитала трактуется шире, чем это было принято в экономической науке ранее, предполагается, что экономическое развитие страны растет за счет качества человеческого капитала и социальных связей в локальных и глобальных рамках страны сообществах, устранения резких форм социальной несправедливости и социальной эксклюзии, преодоления аномии и активизации социальной включенности. Но эффект нематериального капитала общества состоит в том, что он не только преобразует экономическую систему, выводя ее из-под абсолютного господства

материальной выгоды, но и создает в обществе более благоприятную и безопасную среду, повышает интеллектуальную составляющую общественной и личной жизни, формирует индивидуальное и общественное сознание, становится мощной производительной силой.

Нематериальный капитал: определение, структура

В самом общем виде капитал можно отождествлять с таким богатством нации, которое представляет собой совокупность ресурсов, способных приносить доход, выгоды, блага на разных уровнях общества — отдельному человеку, предприятию, организации, территории, обществу в целом. При таком подходе выделяются три вида богатств: природные ресурсы, созданный человеком материальный капитал и нематериальный капитал. Наиболее значимое сравнительное исследование, характеризующее страны по размерам этих видов капитала, выполнено Всемирным банком: «Где богатство наций? Измеряя капитал XXI века» (2006 г.) и «Меняющееся богатство наций: измеряя устойчивое развитие в новом тысячелетии» (2011 г.). Банк оперирует данными за 2005 г. и дает оценки этим видам богатств в расчете на душу населения (табл. 4 — данные по России и США). По оценкам специалистов банка, Россия опережает США более чем в 2 раза по объему материальных активов, воплощенных в природных богатствах (запасы нефти и газа, других минеральных ресурсов) в расчете на душу населения.

Таблица 4

Богатства на душу населения (в долларах США). 2005 г. [Worldbank]

Страны	Природные	Созданный человеком материальный капитал	Нематериальный капитал	ВВП
Россия	31 000	18 000	24 000	5000
США	14 000	100 000	627 000	43 000

Но у России есть значительное отставание от наиболее развитых стран по созданному человеком богатству (предприятия, дороги, школы, больницы и т. д.) на душу населения. Например, отставание от США составляет более 5 раз. В то же время отставание от более успешных стран по обеспеченности нематериальным капиталом (уровню и качеству образования, качеству медицинской помощи, эффективности институтов, предназначенных для управления, предоставления государственных услуг и регулирования предпринимательской

деятельности) просто вопиет. Например, США опережает Россию по этому показателю в 26 раз. Валовый внутренний продукт на душу населения в США почти в 9 раз выше чем в России, и его структура, как и в других развитых странах, заметно отличается от российской.

По данным международных сопоставлений, опубликованным Росстатом в последние годы, на долю образования, здравоохранения, социальных и прочих услуг в России в 2012 г. приходилось 15,1% ВВП, тогда как в западных странах от 21% (Италия) до 31,5% (Япония) (табл. 5).

Таблица 5
Отраслевая структура валового внутреннего продукта

Страна	Год	Валовый внутренний продукт	В том числе в отраслях						
			сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство	промышленность	строительство	транспорт и связь	торговля, гостиницы и рестораны	финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	образование, здравоохранение, социальные услуги, прочие услуги
Россия	2011	100	4,4	30,2	6,5	8,4	20,7	16,0	13,8
	2012	100	3,9	29,6	6,5	8,2	20,6	16,1	15,1
Италия	2008	100	2,0	20,9	6,2	7,3	14,8	28,0	21,0
Германия	2008	100	0,9	25,6	4,3	5,7	12,0	29,4	22,1
Франция	2009	100	1,7	12,4	6,4	6,6	12,4	33,7	26,7
США	2007	100	1,3	17,1	4,7	...	19,0	33,0	24,9
Япония	2004	100	1,6	22,8	6,2	6,8	13,0	18,1	31,5

Россия и страны — члены Европейского Союза. Статистический сборник. 2013. М., 2013. С. 73; Россия и страны мира. 2012. Стат. сб. М., 2012. С. 84–85

Россия попала в своего рода «ресурсную ловушку» и повторяет путь многих богатых природными ресурсами стран. Богатства помогают в какой-то мере повысить жизненный уровень населения, но не обеспечивают условий для самоподдерживающегося роста. Если судить по структурным признакам, то за последнюю четверть XX столетия экономика таких стран росла медленнее, чем экономика стран, такими ресурсами обделенных. Вдобавок к неспособности многих нефте-

и газодобывающих стран достичь экономического роста наблюдается отчетливая связь между ресурсным богатством и вероятностью таких явлений, как слабость демократических институтов и коррупция¹.

Нематериальный (или неосязаемый) капитал (или активы), функционирующий в экономике, пока не получил однозначного толкования, как не устоялось определение его структуры, функций, режима воспроизводства. В литературе, посвященной деятельности фирм, упоминаются следующие основные виды нематериального капитала предприятия: интеллектуальный капитал, организационный (структурный) капитал, деловая репутация (гудвилл), человеческий капитал, клиентский капитал, инновационный и процессный капиталы, кадровый капитал и интеллектуальная собственность. Вполне возможно выделение и других видов и форм нематериального капитала компаний². Сейчас нематериальный капитал составляет до 70 % рыночной стоимости многих мировых корпораций. А что же в обществе? Что представляет его нематериальный капитал и как разные страны используют его для своего развития?

Нематериальный капитал — это комплекс долгосрочных ресурсов развития (общества, различных общностей и индивида), воплощенных в объектах, не имеющих физического, материального существования. Нематериальный капитал не сводится к интеллектуальному, или культурному, или человеческому капиталу, хотя исторически именно с человеческого капитала началось освоение и разработка интересующей нас проблемы. Наряду с человеческим капиталом, включающим в себя культурный капитал, выделяются капиталы социальный и символический как составные элементы нематериального капитала. Отличительной особенностью всех их является их тесная взаимосвязь и взаимообусловленность. Проявление и действие каждого вида капитала зависит от всех остальных. Например, при развитом человеческом и культурном капитале, что характерно для России, отдача

¹ Как избежать ресурсного проклятия / Под ред. М. Хамфриса, Дж. Д. Сакса и Дж. Ю. Стиглица; предисл. Джорджа Сороса; пер. с англ. Н. Автономовой, И. Фридмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

² Селезнев А. З. Нематериальное производство и экономический рост. М.: Наука, 2001; Ковылин Д.М. Сущность и структура интеллектуального капитала // Креативная экономика. 2011. № 5 (53). С. 26–33; Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации. М.: Academia, 1995; Леонтьев Б. Б. Цена интеллекта. Интеллектуальный капитал в Российском бизнесе. М.: Акционер, 2002.

от него значительно ниже, чем в других странах с близкими показателями. Препятствия создаются особенностями социального капитала в стране, которые не дают полноценно использовать культурные и человеческие ресурсы для создания процветающего общества.

Основной вклад в разработку элементов нематериального капитала внесли Т. Шульц, П. Бурдьё, Г. Беккер, Дж. Коулман, Р. Патнем, Ф. Фукуяма, другие ученые.

Следует подчеркнуть, что основоположники теории нематериального капитала выходили далеко за пределы анализа экономических его эффектов, они видели прежде всего социальное содержание в этом феномене. Так, Бурдьё говорит о влиянии трех форм капитала на условия существования человека, которые «обоснованы *общим объемом капитала* [volume global du capital], понимаемым как совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться: экономический капитал, культурный капитал, социальный капитал. Так, различные классы (и группы внутри класса) выстраиваются от тех, кто лучше всего обеспечен одновременно экономическим и культурным капиталом, к тем, кто более всего обделен в этих двух отношениях»¹.

В последние 15 лет экономистами, социологами и политологами стали активно обсуждаться проблемы социального капитала. Это понятие востребовано в междисциплинарных исследованиях.

Одним из первых понятие «социальный капитал» сформулировал *Пьер Бурдьё*². Социальный капитал воплощается в социальных сетях, социальных нормах поведения, поддержках и кооперациях ради получения взаимной выгоды.

Джеймс Коулман концептуально проработал понятие «социальный капитал», отметив, что в «отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между акторами и среди них. Организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов также могут создавать для них социальный капитал»³. Р. Патнем разработал трехфакторную мо-

¹ *Бурдьё П.* Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6; № 3. С. 25 (<http://ecsoc.msses.ru> (дата обращения 07.02.2014)).

² *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 21.

³ *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 124.

дель социального капитала: *нормы взаимности, доверие и социальные сети*, которая позволяет измерять социальный капитал с помощью определенных индикаторов. Посредством их агрегации получаются групповые или территориальные показатели. Возникло такое понятие, как «группы Патнема» — это те группы, которые работают на улучшение жизни других людей и всего общества. В противоположность им существуют группы Мансура Олсона¹, которые преследуют собственные цели и вступают с другими группами в конкурентную борьбу за обладание ограниченными ресурсами, используя свой социальный капитал для получения ренты, но не для развития.

Френсис Фукуяма определяет социальный капитал как набор неформальных норм взаимодействия, которые способствуют сотрудничеству между двумя и более лицами². Потенциально эти нормы существуют в отношениях со всеми людьми, но актуализируются они только в реальных человеческих отношениях. Фукуяма обратил внимание, что внешнее влияние социального капитала группы может быть как положительным, так и отрицательным. Он приводит пример Ку-Клукс-Клана или мафиозных структур. Такие группы тоже имеют определенные нормы, которые позволяют им достигать своих коллективных целей, в этом смысле они тоже обладают социальным капиталом. Но их воздействие на большое общество негативно.

Социальный капитал существует и функционирует на *микроуровне* — индивида, малой группы, семьи, *мезо-* — уровне предприятий, организаций и *макро-* — уровне общества. При этом его можно рассматривать по меньшей мере в двух измеряемых масштабах. Первый — это капитал общностей, которые влияют на получение выгод вовне себя, он может быть определен как гражданский социальный капитал. Можно считать, что он имеет «большие круги» влияния, способствующие формированию для всего общества системы гражданских институтов, норм и ценностей.

Второй масштаб — это социальный капитал небольших, как правило, закрытых общностей, к которым относится семья, этническая община, землячество, предприятие, корпорация и т. д. Этот капитал

¹ *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.

² *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society / Prepared for delivery at the IMF Conference on Second generation reforms (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm> (дата обращения 08.09.2013)).

формируется внутри общности, но он используется для адаптации и преуспевания во внешнем мире. Круги влияния этого капитала невелики, но они способствуют выживанию группы, мобилизуют ресурсы для коллективной защиты и развития.

Культурный и человеческий капитал как факторы социокультурной модернизации

Степень изученности структуры, качественных особенностей и количественных показателей нематериального капитала в России, как можно представить по имеющимся публикациям, явно недостаточна с учетом тех задач, которые стоят перед страной для перехода к информационному обществу. Сложились некоторые стереотипы в отношении наличия и качества отдельных видов нематериального капитала. Так, культурный капитал довольно высоко оценивается в масштабах всего общества, если принимать во внимание только формальный признак — уровень образования населения, но качество подготовки, ее соответствие перспективным требованиям развития общества, система ценностей большинства населения остаются весьма далеки от современности. Между тем образование наряду с семьей представляет собой важнейший институт, транслирующий жизненные ценности, нормы поведения, дающий знания об организации жизни и деятельности людей. В концепции культурного капитала имплицитно присутствует такой институт, как система образования (от дошкольного до послевузовского), поскольку в значительной мере через эту систему происходит социализация личности в современном обществе и приобретает культурный капитал. Для России, имеющей целью переход к современному обществу, система образования — один из системообразующих элементов институционального обеспечения такого перехода. Сейчас количественный охват высшим образованием лиц соответствующих возрастов в России (78 %) близок к наиболее развитым странам мира: Норвегия — 80 %, Швеция — 82 %, Финляндия — 93 %. Но это, замечу, только количественные данные, не говорящие о качестве высшего образования в стране. Косвенно о нем могут сказать государственные расходы на образование, которые в России составляют 4,1 % (2011 г.) от ВВП, тогда как даже в Португалии больше — 5,3 %, а в развитых западных странах — до 9 % ВВП¹. В России в 2006 г.

¹ Россия и страны — члены Европейского Союза — 2013: Стат. сб. М., 2013. С. 86, табл. 5.9.